

— Если нас выгонят, осмотри окрестности. Если что случится — на тебя надежда, — сказал Юй Фэн. По пути он успел кое-что разузнать, и хотя, как обычный человек, не мог понять всё до конца, этого хватило для выводов.

— Десять рыбных палочек, — потребовала Молитва.

Пэн Цзэфэн приподнял бровь. — Всего десять?

— О чём ты? Конечно, по десять к каждой трапезе! — Молитва ударила его лапой по голени, потом отдернула её, облизала и изящно умылась.

— Пф, — Юй Фэн прикрыл рот кулаком. — Я не смеялся.

— ... — Два идиота.

Пэн Цзэфэн нажал на кнопку звонка.

Спустя некоторое время из домофона раздался голос старухи:

— Алло?

— Здравствуйте. Мы путешественники, застигнутые туманом. Не могли бы мы переночевать здесь? Обещаем достойную компенсацию, — ответил Пэн Цзэфэн.

— Входите, — сказала старуха. В домофоне щёлкнуло. — Просто толкните дверь.

— Спасибо.

Домофон замолк.

Ручка была ледяной, холод пронзил пальцы, и Пэн Цзэфэн поморщился, но не отпустил её, а толкнул дверь. Необычный холод заставил его насторожиться, мысли собрались в острый фокус.

Пришло время собрать воедино всё, что он уловил по дороге, и приготовиться к тому, что может произойти.

Давно он не играл в детективные игры. Возможно, это будет занятный квест.

У него было ощущение, будто он ведёт Юй Фэна прямо в пасть к демону.

Но ничего. Он обязательно защитит и Юй Фэна, и Молитву.

В тот миг, когда дверь открылась, все в гостиной замерли и уставились на них.

Игра началась.

Пока на них смотрели, Пэн Цзэфэн тоже изучал собравшихся — пристально, стараясь запомнить каждую деталь, чтобы понять характер и мысли каждого. Это могло пригодиться позже.

Он предчувствовал, что скоро случится что-то дурное, но, к своему удивлению, не ощущал ни капли сожаления. Он не считал себя бесчувственным циником. Значит, причина в другом: всё это было predetermined, и люди здесь сами навлекли на себя беду.

Им просто предстояло ответить за собственные грехи.

Самым заинтересованным был взгляд девушки в красной пуховке.

Её глаза блестели, и она явно испытывала к ним обоим живой интерес. В руке она держала банку кофе — скорее всего, свою, потому что остальные ничего не пили. Будь это угощение хозяев, напитки были бы у всех.

В другой руке она сжимала телефон, листая что-то в сети. Но на пороге не ловилось ни единой полоски, внутри — и подавно. Или здесь был оптоволоконный интернет? Снаружи — такой густой туман, что легко не заметить. Тогда где же роутер...

Нашёл! За парнем в чёрном пальто, рядом со старомодным дисковым телефоном.

Телефон выглядел чужеродно на фоне всей современной техники в гостиной: светодиодных ламп на потолке, огромного жидкокристаллического экрана на стене и умного журнального столика посередине.

Очень странно...

Но Пэн Цзэфэн лишь на мгновение задержал на этом взгляд, потом перевёл внимание на парня.

Тот смотрел отстранённо, телефон торчал у него в кармане, на ушах — большие наушники. Он полностью ушёл в себя.

Его обувь была слегка испачкана, но многие пятна казались старыми, свежей была только грязь, а между шнурками застряли зелёные травинки.

Хм... Как он мог это упустить? В горах, на такой высоте, всё ещё зелёно — уже одно это странно. Хорошо, что они выбрались наружу, иначе такое состояние могло бы навредить многим пациентам.

Рядом с парнем в чёрном пальто стоял юноша в белом худи, со стрижкой «ёжиком». Он улыбался, выглядел беззаботным, а на шее у него красовалась татуировка: две человеческие фигурки, держащие оружие. Одна сжимала длинный серп, другая — тяжёлую цепь.

В его улыбке таилась опасность, но в то же время казалось, что это всего лишь игра.

Затем Пэн Цзэфэн взглянул на последнего человека в гостиной — девушку в голубом худи. Она была хороша собой, но во взгляде сквозила надменность, выдавая неискренность.

Пэн Цзэфэн был уверен: это подтвердится при её первом же разговоре с кем-нибудь из присутствующих.

Она тоже держала в руке телефон, но фотографировала себя, одновременно наблюдая за остальными — наверняка уже сделала не один кадр.

Причина, по которой она так поступала, вероятно, крылась в её потребности всегда играть роль. Ей нужно было незаметно собрать как можно больше информации, чтобы затем скорректировать своё поведение и создать нужный образ.

Она слишком зависела от мнения окружающих — жила чужими оценками.

Насколько она опасна или радикальна, ещё предстояло выяснить.

В гостиной царил спокойная, почти мирная атмосфера. Каждый занимался своим делом.

Но разве нормально, что хозяев до сих пор нет?

В глубине виллы, в одной из комнат, девушка с хвостиком плакала, слёзы ручьями текли по её лицу.

Она прижалась в углу, глядя на чудовище, скованное цепями. Оно билось, и на полу уже успели запёкся несколько слоёв крови. Чудовище рычало на неё, с его тела капала кровь — казалось, смерть приближается к ней с каждым шагом.

Ещё пятнадцать минут назад она спокойно сидела в гостиной, листала телефон и обсуждала с подругой переход в другой дом престарелых. Говорили, тамошние старики смирнее — а значит, с них можно будет драть больше, и жизнь станет куда приятнее.

Ли Вэнь была медсестрой, если точнее — медсестрой в доме престарелых. После учёбы она сразу устроилась туда. Не потому, что любила эту работу или хотела заботиться об одиноких стариках, а потому, что конкуренция там была небольшой, и её шансы получить место оказались высоки.

Почему другие, которые лишь зубрили перед экзаменами и подлизывались к преподавателям, получали рекомендации и устраивались в крупные больницы? Там — нормированный график, возможности для обучения, поддержка в сложных ситуациях, не такие напряжённые отношения с пациентами. Их хвалили и благодарили каждый день.

А она получала меньше пяти тысяч в месяц, работала по десять-двенадцать часов в сутки, убирала испражнения и терпела толчки и оскорбления от стариков. Какие там смены, ночные дежурства, перерывы — всё это была пустая формальность. Она должна была постоянно прислуживать этим старикашкам, даже поесть спокойно не могла. Это был ад.

И это ещё не всё. Врачи и начальство, ничего не смысля в реальной работе, отдавали приказы. Они что, думали, что уход за стариками — это как в рекламных роликах? Родственники пациентов тоже постоянно скандалили. Они считали, что медсёстры — волшебницы, способные уследить за каждым движением каждого старика каждую секунду? Малейшая царапина — и начинался скандал.

Прибыль дома престарелых была мизерной, почти все доходы уходили на оборудование для пациентов, поэтому, кроме базовой зарплаты, премий практически не было. Учреждение работало почти на грани самоокупаемости, по сути — на благотворительных началах.

Но почему их благородство должно оплачиваться её трудом? Такая нагрузка и такая зарплата — разве это не откровенная эксплуатация? Ли Вэнь сдерживалась, из последних сил пытаясь не сорваться, и выполняла свою работу.

Всё вылилось, когда пациент с койки №18 в двадцать седьмой раз швырнул в неё свои испражнения. Она привязала его верёвкой к кровати, затолкала эти отходы ему в рот и заставила проглотить.

Это стало началом. После этого она окончательно распоясалась.

Подстрекаемая некоторыми коллегами-медсёстрами, она не только не остановилась, но и

начала, как и другие, издеваться над стариками и вымогать у них деньги. Она поняла: чем жёстче ведёшь себя, тем меньше они сопротивляются. А раньше она просто казалась им слабой и беззащитной.

Какие же они все подлецы, — с ненавистью подумала она однажды, получив очередную «леваю» сумму.

<http://bllate.org/book/16276/1465553>